

„Экзерсисы“

Петръ Козловъ.

ВОЛОГДА.
Типографія И. И. Соколова.
1907.

Тебѣ посвящаю, Софія.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

Травка.	3
Картичка.	6
Въ лѣсу	10
Ночью	13
Это идетъ весна	17

О Т Ъ А В Т О Р А.

Не оправдываться хочу предисловіемъ, но дѣлаю ого только потому чтобы не навлечь на себя напрасной критики со стороны прочитавшихъ меня. Издавая „Экзерсисы“ не самолюбіе руководитъ мной или матеріальныя выгоды.... нѣтъ, я только жду мнѣній по отношенію къ книжкѣ, которая послужитъ мнѣ урокомъ... Заброшенному жизнью въ глухой уголъ родины, безъ связей и безъ всякаго образованія мнѣ трудно найти товарища, который-бы литературно воспитывалъ меня, и въ этихъ слабыхъ опытахъ я рискую пробовать силы, отдавая свои „упражненія“ на судъ общества....

Вологда 1907 г.
9 Марта.

П р а в к а,

Солнце палило... Былъ полдень...

Въ раскрытое большое окно машинисту Петрову былъ виденъ широкій заводскій дворъ, по которому тянулись блестящія рельсы и нечезали въ раскрытыхъ воротахъ большихъ каменныхъ зданій. Кое гдѣ на землѣ лежали груды каменнаго угля и все что было предъ глазами: уголь, рельсы, желтый высокій заборъ, опоясывающій заводъ, все это казалось мертвымъ и пуднымъ.

Петровъ равнодушно глядѣлъ на все это: онъ давно привыкъ къ этой картинѣ и теперь ему было только скучно,—отъ жары отъ своей безсмысленной работы, и отъ сознанія своей скуки.

Иногда по двору проходили рабочіе,—черные и грязные, они казались пятнами на фонѣ яснаго дня.

Машинистъ зѣвнулъ и неподвижно застылъ взглядомъ на подоконникъ; то, что остановило его вниманіе, — былъ, маленькій кустикъ стройной зеленой травки, которая росла въ углу подоконника.

Петровъ перевелъ взглядъ на дворъ пытаясь найти ее тамъ, но

травы не было... Природа не мѣшалась съ культурой и ее позорно выгнали съ широкаго двора, усѣявъ его пескомъ, углемъ и старымъ желѣзомъ.

И все остальное время дежурства онъ ходилъ около своего компрессора, регулировалъ давленіе пара, думая о травѣ и чѣмъ пайстойчивѣе мысли лѣзли въ голову, тѣмъ меньше понималъ онъ.

Когда-то, а можетъ быть во снѣ, онъ видѣлъ лѣсъ, рѣку, траву...

— Покосить-бы—подумалъ онъ и виновато улыбнулся, вспоминая, что не умѣетъ дѣлать этого; давно его привезли изъ деревни на заводъ и онъ пилилъ, сверлилъ желѣзо, наконецъ ему дали машину и съ тѣхъ поръ онъ ежедневно ходитъ кругомъ ся по двѣнадцать часовъ въ сутки.

— Петровъ, тебя мастеръ!... — кто-то крикнулъ ему и онъ пошелъ къ мастеру, говорилъ съ нимъ о набивкѣ сальниковъ, притиркѣ крановъ, а самъ думалъ о травѣ, которая росла у него на окнѣ...

— Иди-ка сюда, — позвалъ онъ одного изъ рабочихъ, возвращаясь отъ мастера.

— Ну?—спросилъ тотъ.

— Травка, говорю, выросла на окошкѣ.

— Должно отъ дождя—равнодушно сказалъ другой—а я думалъ ты за дѣломъ звалъ—и пошелъ обратно.

Петровъ наклонился къ подоконнику, по трава была залита масломъ: стройная и зеленая она умирала.

— Зачѣмъ льешь за окно масло—набросился онъ па мальчишку, который поймалъ паута вставлялъ ему въ хвостъ соломинку.

— А куда его лить, всегда за окошко лили—философски отвѣтилъ виновникъ занятый паутомъ.

— Я тебѣ дамъ, паршивцу, „всегда лили“,—но паршивецъ сообразилъ что „дяденька“ не въ духѣ и быстро перекочевалъ въ другой уголъ, а съ глубины души у Петрова поднималась злоба, какая-то тоска и смутныя желанія.

Онъ снова посмотрѣлъ на окно—трава, недавно стройная и зеленая, умирала.

1907 г. 19 Января.
Электрич. цехъ.

Картинка.

(Изъ записной книжки статистика).

Я пріѣхалъ въ деревню и должно быть попалъ во время обѣда — на улицѣ никого не было, только, курицы рылись на дорогѣ, да мирно дремавшая собака открыла глаза, посмотрѣла на меня и снова заснула. Къ колодезю шла баба, она остановилась и съ любопытствомъ разсматривала меня. Я вылѣзъ изъ тарантаса и направился къ ней.

— Которая изба Дмитрія Трохина? — спросилъ я.

— Митрія-та, а эвопа... выдамнись... А ты чей будешь?

На послѣдній вопросъ я счелъ лучшимъ промолчать, зная по опыту, что разговоръ могъ-бы затянуться до ночи, и пошелъ по указанному направленію.

Трудно было разобраться, которая изба Дмитрія — все домики были похожи одинъ на другой, и я шелъ наугадъ.

Изъ оконъ выглядывали обитатели хижинъ — мое появленіе — заинтересовало ихъ. У одной хатки, которая больше походила на ту, кото-

рую объяснила мнѣ женщина, я остановился.

Во дворѣ возилась съ чѣмъ-то женщина.

— Здѣсь живетъ мельникъ?

— Митряй-отъ?!

— Да.

— Здѣсь... а ты кто? Я сказалъ... Баба пчезла въ хлѣвѣ и до меня долетали ея крики:

— Митряй! Митряй! Оглохъ што-ли? Стасиетикъ прѣхалъ... тебя надоть... Митр-я-яй!!

Изъ хлѣва-же появился и Дмитрій, очевидно онъ спалъ послѣ обѣда, —былики сѣна торчали въ бородѣ и волосахъ, а лицо говорило; что я помѣшалъ отдыху.

Мы поздоровались— я объяснилъ ему цѣль моего прѣзда.

— Такъ, такъ—говорить онъ,—аккомпанируя моимъ разъясненіямъ —мельница есть, дѣйствительно... Што говорить, хорошая была. У меня по наследству она, отъ родителя... Гдѣ по пошыннимъ временамъ самому заводить...

Мы уѣзлись на ступеньки крыльца, я досталъ бланки и сталъ записывать нужныя статистикѣ показанія.

— Старинная—отвѣчала Дмитрій на вопросы—поди лѣтъ сто съ лишкомъ, будетъ мельницѣ... старая... сгнила вся... А только ваше благо-

родіе, ежели вы отъ Управы для налога-- неожиданно добавилъ онъ ---такъ напрасно, потому что помолу на ней нѣтъ. Вотъ развѣ для себя, а то у насъ подъ бокомъ водяная, все туда возять... Вѣтра по нѣ маленькіе... Загляните на мельницу, сдѣлайте милость...

Я записалъ все нужное и хотѣлъ идти съ нпмъ освидѣтельствовать мельницу, чтобы внести въ примѣчаніе о ея неработо-способности.

На улицѣ отчаянно кричалъ чей-то женскій голосъ, я спросилъ, что это значить.

-- Это моя жонка ушла для вашей милости сосѣдей скликать:— пояснилъ Дмитрій

— Зачѣмъ-же, это мнѣ не нужно, я не просилъ...

-- Извѣстно «баба» — отозвался мужъ...

Женщина разбудила отдыхавшихъ мужиковъ, и они подходили ко мнѣ...

И разъяснилъ имъ ошибку...

— Ишь ты, кикимора -сыпались комплименты по адресу жены Дмитрія--весь міръ сбаламутила...

— Мы думали на счетъ прирѣзки земли...

-- Жди прирѣжутъ...

Меня засыпали вопросами: что слышно о налогахъ, о землѣ, но я ничего не слыхалъ...

-- Да да... такъ--вздыхали они разочарованные моимъ незнакомствомъ...

— А на счетъ предсѣдателя, бытъо ему наказаніе вышло, тоже пустое?—спросилъ меня сухой, высокій старикъ...

— Ничего не слышно -- отвѣтилъ я, дѣйствительно предсѣдатель былъ въ городѣ и ничего съ нимъ не случилось.

— „Не сказываешь ты—недовѣрчиво протянулъ старикъ,—а намъ говорили, что пошелъ онъ за мужиковъ на собраніе гдѣ-то и вышло ему за это наказаніе: носить цѣлый годъ: чугунные, калоши, шляпу и медаль по полтора пуда!“.

Если-бы не ихъ серьезныя лица и увѣренность, съ какой они принялись толковать о выдуманной несправедливости, можно-бы было принять это за шутку.

Смѣшно и грустно было слушать этихъ большихъ ребятъ...

Я торопился съ Дмитріемъ на мельницу, такъ какъ впереди мнѣ еще много предстояло объѣхать деревень и вѣроятно много толковать о землѣ и налогахъ...

В ъ л ѣ с ѹ.

Жарко...

Небо чистое, блѣдное, только одна тучка бѣлая, легкая скользнуть по небу колышется и... таетъ.

Я вхожу въ лѣсъ—пахнетъ еѳрой и мхомъ...

Деревья стоятъ молчаливо, они дремлютъ въ сладкой истомѣ... Какая-то пичужка прыгаетъ, пищитъ и ловитъ мошекъ... Хворостъ трещитъ подъ ногами, паутина падаетъ на лицо и щекочетъ его...

Здѣсь прохладно...

Лучи солнышка не проникаютъ до земли и насыщенные розовой пылью блестятъ и искрятся.

Тихо, только отъ моихъ шаговъ раздается трескъ хвороста, да шелестъ сухого листа, въ которомъ топуть мои ноги...

Я иду дальше...

Поваляются ландыши... Я думаю: „скоро будетъ рѣвка“—и рву ихъ... Они ласкаютъ своимъ запахомъ—хочется цѣловать эти бѣлые цвѣты.

А вотъ ихъ цѣлая семья... Бѣлые, чистые они кажется хвалебно смотрятъ на далекое небо и поютъ гимнъ Богу... молча... безъ словъ...

И благоговѣнно смотрю на ихъ,
на эти чистые цвѣты...

— „Они могутъ молиться! Счастли-
ливцы! У меня нѣтъ Бога“ — и мнѣ
становится грустно...

И иду все дальше...

Лѣсъ рѣдѣетъ и вдали, словно
зеркало блеснула рѣка...

И знаю эту рѣку и понимаю ее...

Она большая, величественная, спо-
койно катитъ свои воды и думаетъ
глубокую думу... Мнѣ кажется она
устала носить на своей груди длин-
ныя цѣпи плотовъ, она устала слу-
шать унылыя бурлацкія пѣсни про
горе...

У рѣки, какъ у меня нѣтъ Бога,
гнѣвъ -- ея молитва и слезы -- радость.

Иногда къ ней прилѣтаетъ вѣтеръ,
говоритъ новыя слова о счастли-
выхъ людяхъ и она негодуетъ на
покорность тѣхъ, кто плаваетъ на
плотахъ по широкой груди ея...

Гнѣвомъ дрожить тогда спокой-
ная грудь ея, злой шопотъ идетъ
по рѣкѣ и бѣлоголовыя волны бѣ-
гутъ по ней... Они ударяютъ въ
крѣпкія связи плотовъ, рвутъ ихъ
и учатъ гнѣвомъ молиться людей...

И подхожу все ближе къ рѣкѣ,
смотрю на ландыши, букетъ кото-
рыхъ въ рукѣ у меня...

Они зовутъ меня къ Богу, къ тому Богу, который спокойно, какъ солнце, смотритъ на все, а въ сердцѣ моемъ вырастаетъ пѣнь гнѣва...

Тихо кругомъ, только отъ моихъ шаговъ раздается трескъ хвороста; да шелеститъ сухой листь, въ которомъ тонуть мои ноги...

Я иду дальше...

Небо чистое, блѣдное...

Вологда 1907 г.

Н о ч ь ю.

...Кругомъ было такъ темно, словно мракъ поднялся изъ всѣхъ проваловъ и пропастей, чтобы создать эту черную ночь...

Когда я отправился съ послѣдней остановки, то твердо рѣшилъ сегодня же добраться до мѣста, но на полпути въ воздухъ запахло грозой и стало быстро темнѣть... Это не смутило меня, впереди ждало что-то лучшее, а я всегда быть увѣренъ, что лучшее впереди, и поэтому смѣло шелъ туда.

Теперь гроза разыгралась во всю... Черное небо съ трескомъ разрывалось блестящими зигзагами и тогда освѣщалось поле, какіе то кустики по сторонамъ и впереди черный лѣсъ.

Молнія умирала и снова было темно и снова жутко...

Я входилъ въ лѣсъ, деревья шумѣли, шептались, ихъ вѣтви шевелились и тянулись на дорогу; освѣщенные вспышками молнии, они казались мнѣ черными, уродливыми лапами чудовищъ, которыя тянулись, ко мнѣ, что-бы схватить меня не-

прошенно-явившагося на праздникѣ стихій...

...„И гремѣлъ громъ и блистала молнія, страшные удары заставляли дрожать землю, а богатырь ѣхалъ лѣсомъ“ — вспомнилось изъ какой-то сказки.

И я сталъ припоминать про какого богатыря говорилось въ сказкѣ и куда ѣхалъ онъ, а память подсказывала мнѣ:

...„но не смотря на громъ и ужасы богатырь ѣхалъ сразиться со злымъ врагомъ своимъ“...

Снова ослѣпительно-яркая полоса свѣта мелькнула въ темнотѣ, тра-ха-ха, разсыпалось по небу... и эхо замѣталось по лѣсу.

При вспышкѣ молніи я увидалъ впереди себя лошадь, телѣгу и фигуру человѣка; очевидно, запоздавшій крестьянинъ возвращался изъ города.

-- Миръ дорогой — окликнулъ я его, подходя ближе.

— Милости просимъ — отозвался человѣкъ и въ голосѣ его звучалъ испугъ и радость.

Я не ошибся, это былъ крестьянинъ... Жалкая фигурка его освѣщалась молніей и онъ торопливо крестился, шепча Святъ, Святъ Господь Саваоѣ..

Мнѣ было жаль его.

— Изъ городу? - спросилъ я.

— Изъ городу.

— Съ базара...

— Нѣтъ родимый!.. Вызовку дѣлали по начальству...

— Что такъ?

— А вишь-ты, дѣло не ладное вышло... Осенесъ изъ нашей деревни мужичекъ бревно изъ казенной дачи привезъ... Извѣстно дѣсу нѣтъ, по дрова за тридцать верстъ ѣздимъ... Позарился мужики на казенное добро, ну и я съ ними... Вывезли по бревенку съ казенной дачи... Покупать-то деньги надо, а добыча-то некудышная...

Снова кто-то бросилъ огонь по небу и съ трескомъ разодралъ его...

— Святъ... святъ...— трусливо зашептала мой спутникъ...

Послѣ ослѣпительнаго блеска стало еще темнѣй, словно сама ночь хотѣла щегольнуть своимъ мракомъ.

— Донесъ урядникъ - продолжалъ крестьянинъ --- будто мы противъ царя батюшки идемъ... Вотъ дѣла-то каковы, господниъ хорошиі.

Онъ умолкъ...

Миѣ было понятно все остальное, понятенъ былъ и этотъ мужичекъ, который по донесенію урядника назывался „преступникомъ, идущимъ противъ устоевъ государственныхъ“.

Мы молча шагали впередъ...

Образъ сказочнаго богатыря снова воскресъ въ памяти и въ душѣ родилея горькій смѣхъ, я подумалъ: „гремѣлъ громъ, блестѣла молнія и... два маленькихъ человѣчка трусливо шагали по лѣсу“...

— Отошли времена богатырей— продолжалъ думать я— когда личность человѣка была сильная и могучая и не богатыри теперь шли по лѣсу, а запуганный мужикъ, правнукъ Ильи Муромца и русскій пролетарій безъ роду и племени.

Теперь я понималъ грозу, она злобно смѣялась надъ человѣчествомъ, которое много выдумало сильныхъ, красивыхъ сказокъ и осталось рабомъ...

--- Святъ.... святъ.... -- шепталъ спутникъ.

Это идетъ весна.

Вѣтеръ гналъ по небу густые, беспорядочныя клочья облаковъ... Иногда разрывались они и вдали виднѣлось голубое небо...

Ночь уже отодвигается и уступаетъ мѣсто свѣту... Яркіе дни слетаются къ землѣ и ночи наступаютъ коротенькія, мгновенныя...

Это идетъ весна...

Природа освобождается, она разблала оковы спячки и поетъ красивый, стройный гимнъ грядущей «свободной веснѣ...»

Рѣка съ негодованіемъ сбросила съ своей груди пласты льда и несетъ ихъ... А солнце въ упоръ смотритъ на землю, посылаетъ къ ней съ привѣтомъ лучи свои и когда они достигаютъ земли, цѣлуютъ ее, а она даритъ имъ поденѣжники.

Это идетъ весна.

Пѣвецъ наступающей свободы, жаворопокъ, уже кружится, плаваетъ въ воздухъ и поетъ:

«Идите въ вѣчность духи мглы, холодныхъ, зимнихъ дней.

Весна идетъ, изъ свѣту дни она плететь!

Идите въ вѣчность духи мглы—
отжили вы свой часъ..

Весна идетъ, изъ солнца дни она
плететь!

Идите въ вѣчность духи мглы,
свободы мигъ насталь.

Весна идетъ, изъ счастья дни она
плететь!

Это идетъ весна...

И я знаю, ничто не устоитъ предъ
ней, она смостъ свѣтомъ мракъ, раз-
рушитъ ночь, она не знаетъ пре-
градъ.

Это идетъ весна!

Вѣтеръ еще гонитъ по небу гу-
стые беспорядочные ключья обла-
ковъ и когда разрываются они, видно
голубое небо...

Меня не страшитъ, что ближе къ
землѣ сѣрыя тучи, ихъ унесетъ ве-
теръ и голубое небо развернется
надъ землей...

Тогда придетъ весна.
